

Салынский Афанасий 7.9.95.

НА НЕДЕЛЕ

Советский ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТ

К семидесятипятилетию Афанасия Дмитриевича Салынского

В эти дни известному драматургу Афанасию Салынскому исполнилось бы семьдесят пять лет. Найдется много людей, которые знали Салынского лучше, чем я, и я уверен, они с куда большим правом могли бы откликнуться на это событие. Однако мне кажется, что степень личного знакомства в данном случае не так уж важна. Потому что в каждой пьесе Салынского неизменно ощущается личность драматурга, его внутренняя духовная причастность к тому, о чем он пишет.

Точны приметы времени, конкретна среда действия, достоверны события, характеры героев его пьес. Но есть в них нечто такое, что оказывается существеннее и важнее этой точности, этих конкретности и достоверности. Это «нечто» заключается прежде всего в способе осмысления действительности. В остроте и бесстрашии освещения ее противоречий. В стремлении автора разделить груз ответственности, которую несут на себе его герои.

Казалось бы, драматургия – искусство строгое, в высшей степени объективное. Пьесы Салынского крайне сдержанны, даже скупы и не оставляют места для выявления субъективных переживаний автора. Однако именно позиция драматурга, его отношение к героям составляет самое ядро их содержания, придают им своеобразную лирическую интонацию.

Это кажется странным сейчас. Это казалось тем более странным в те времена, когда понятие «идейности» в драматургическом творчестве было узурпировано такими мастодонтами партийной литературы, как Анатолий Софронов и Георгий Мдивани. всегда готовыми откликнуться на очередной руководящий призыв дежурной репликой «чего изволите?», облеченной в форму драматургической поделки.

Да, Афанасий Салынский тоже был идейным драматургом. Он не раз обращался к проблематике, над которой сегодня мы готовы посмеяться, – писал о партийных работниках разного ранга. Он не забывал раскрывать идейную убежденность лучших своих героев. Разница – и огромная! – состояла в том, что любой, в том числе «партийный» принцип, драматург проверял мучительными жизненными коллизиями, видел в своих персонажах не спекулятивное, но «живое выражение» идеи (Н. Погодин). Всякий раз он беспристрастно и жестоко испытывал своих героев, ставя перед ними один и тот же вопрос: готовы ли они защитить свои идеалы, способны ли идти для этого на любые жертвы?

В антракте одного из спектаклей по пьесе Салынского милая дама, причастная к руководству искусством, как-то сказала: героиня выбрала неправильную тактику, ей бы апеллировать в ЦК... Смешно! Разве Салынский писал о механизме принятия партийных решений? Он писал о людях, поверивших в коммунистические идеалы. И чем чаще обращался он к таким «идеалистам», тем острее и он сам, и его герои переживали нарастающий разлад между «разумностью» и «действительностью» положения, при котором не ум, не честь и не совесть определяли руководящее положение указанной организации. Может быть, сам Салынский и не додумал этот разлад до конца, но это ощущение присутствует во многих его произведениях, особенно – в «Летних прогулках» и «Мужских беседах», по существу, так и не увидевших свет всероссийской театральной рампы.

Собственно говоря, иначе и быть не могло. Потому что сам Салынский в каком-то смысле был честью и совестью драматургического цеха своего весьма не простого времени. Дело опять-таки в том, что, разбираясь во времени, он прежде всего разбирался в самом себе. Стоя близко к власти, «секретарствуя», заседавая в президиумах, многие годы редактируя журнал «Театр», – он не утратил любви к правде, как бы она ни была жестока, веру в искренность, к которой он стремился в своих пьесах. Он считал, что дело, в том числе – драматургическое, есть продолжение личности человека, что свершение, в том числе – творческое, всегда есть прежде всего вопрос нравственного выбора. Именно поэтому пришла в его пьесы тема буднично-героического подвига, в момент которого человек ведет себя так, как он жил до этой минуты, тема «великого простого человека» (М. Горький), неотрывная от трагического взгляда на жизнь. По существу, Афанасия Салынского можно назвать создателем драматургии «советского экзистенциализма» (несмотря на кажущуюся противоестественность сочетания этих слов), в которой убежденность человека, ставшего заложником обстоятельств, требует от него неимоверного напряжения всех сил, в которой вся надежда – на духовную его стойкость, наивно облеченную в форму служения коммунистическому идеалу.

Драматургия Салынского остается в своем времени, выражает его надежды, подчас настоятельные, его тревоги, нередкое обострившие, и, конечно же, его противоречивость. Но при этом и выходит за его пределы. Она подтверждает немаловажную истину: честность, порядочность, доброта, отнюдь не становясь синонимом творчества, являются его предтечами, его внутренним нравственным обеспечением.

Андрей ЯКУБОВСКИЙ

Общ. дело 2007-1995. - 7-13 сент. - С. 10.

123